

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
1 August 2016
Russian
Original: English

Комиссия Организации Объединенных Наций
по праву международной торговли

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ПРАВО ПО ТЕКСТАМ ЮНСИТРАЛ
(ППТЮ)

Содержание

	Стр.
Дела, связанные с Конвенцией Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ)	3
Дело 1595: КМКПТ 1; 4; 6; 12; 64; 74; 79 – Польша: Верховный суд, V CSK 528/14, <i>Company T. (German seller) v. Company C. (Polish buyer)</i> (25 июня 2015 года)	3
Дело 1596: КМКПТ 1 – Польша: Апелляционный суд г. Варшавы, VI ACa 1937/13, <i>Company Radio X Sp. z o.o. (Polish buyer) v. Company Y (German seller)</i> (15 мая 2015 года)	4
Дело 1597: КМКПТ 31; 67 – Польша: Верховный суд, II SK 114/04, <i>Company K. v. Insurance Company E.</i> (22 октября 2014 года)	6
Дело 1598: КМКПТ 8; 11; 25; 64(1)(a); 65 – Польша: Верховный суд, IV CSK 215/13, <i>S (UK buyer) v. T (Polish seller)</i> (28 ноября 2013 года)	7
Дело 1599: КМКПТ 8; 14; 18; 25; 29(2); 64(1) – Польша: Апелляционный суд г. Катовице, I ACa 410/12, X (German buyer) v. Y (Polish seller) and A. W. (5 сентября 2012 года)	9
Дело 1600: КМКПТ 1; 3; 3(1); 6; 12 – Польша: Апелляционный суд г. Катовице, V ACa 551/08, F.S.A. (Polish seller) v. A. GmbH (Austrian buyer) (22 января 2009 года)	11
Дело 1601: КМКПТ 25; 29; 35; [45; 46; 47; 48]; 49; 81 – Польша: Апелляционный суд г. Познань, I ACa 990/05, Błażej B. v. Bank S.A. (1 марта 2006 года)	12
Дела, связанные с Типовым законом ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (ТЗЭТ)	14
Дело 1602: ТЗЭТ 6(1); 7(1) – Южно-Африканская Республика: Верховный апелляционный суд, [2014] ZASCA 178; 2015 (2) SA 118 (SCA), 725/13, <i>Spring Forest Trading v. Wilberry</i> (21 ноября 2014 года)	14

ВВЕДЕНИЕ

Данный сборник резюме дел входит в систему сбора и распространения информации о судебных и арбитражных решениях, принятых на основе конвенций и типовых законов, разработанных Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Цель системы – содействовать единообразному толкованию этих правовых текстов путем отсылки к международным нормам, которые соответствуют международному характеру таких документов в отличие от чисто внутренних правовых концепций и традиций. Более полная информация об особенностях этой системы и ее использовании содержится в Руководстве для пользователей (A/CN.9/SER.C/GUIDE/1/Rev.1). С документами ППТЮ можно ознакомиться на веб-сайте ЮНСИТРАЛ: <http://www.uncitral.org/clout/showSearchDocument.do>.

В содержании на первой странице каждого выпуска ППТЮ приводится полный перечень реквизитов каждого дела, содержащегося в подборке, а также указываются отдельные статьи каждого текста, которые толковались судом или третейским судом или на которые делались ссылки. Кроме того, в заголовке к каждому делу указывается адрес в сети Интернет (URL), по которому можно ознакомиться с полным текстом решений на языке подлинника, а также адреса, если таковые имеются, веб-сайтов, на которых размещены переводы этих решений на официальный язык (языки) Организации Объединенных Наций (следует иметь в виду, что ссылки на веб-сайты, не являющиеся официальными веб-сайтами Организации Объединенных Наций, не следует воспринимать как одобрение этих сайтов со стороны Организации Объединенных Наций или ЮНСИТРАЛ; кроме того, адреса веб-сайтов часто меняются; все адреса в Интернете, указанные в настоящем документе, являются действительными на дату представления настоящего документа). Резюме дел, в которых толкуется Типовой закон ЮНСИТРАЛ об арбитраже, содержат ссылки на ключевые слова, которые соответствуют терминам, включенным в Тезаурус по Типовому закону ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, который был подготовлен Секретариатом ЮНСИТРАЛ в консультации с национальными корреспондентами. Ссылки на ключевые слова содержатся также в резюме дел, связанных с толкованием Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. Поиск резюме может производиться с помощью базы данных, доступ к которой может быть получен через веб-сайт ЮНСИТРАЛ, по всем имеющимся идентификаторам: стране, законодательному тексту, номеру дела в системе ППТЮ, номеру выпуска ППТЮ, дате вынесения решения или по нескольким таким идентификаторам.

Резюме дел подготавливаются назначаемыми правительствами национальными корреспондентами или отдельными авторами; как исключение, они могут быть подготовлены самим Секретариатом ЮНСИТРАЛ. Следует отметить, что ни национальные корреспонденты, ни какие-либо другие лица, прямо или косвенно участвующие в функционировании системы, не несут ответственности за ошибки, пропуски или другие недостатки.

Авторское право защищено законом © Организация Объединенных Наций, 2016 год
Отпечатано в Австрии

Все права защищены. Заявки на предоставление права на воспроизведение данного документа или его частей следует направлять по адресу: Secretary, United Nations Publications Board, United Nations Headquarters, New York, N.Y. 10017, United States of America. Правительства и правительственные учреждения могут воспроизводить настоящий документ или его части без получения разрешения, однако им предлагается уведомлять о таком воспроизведении Организацию Объединенных Наций.

**Дела, связанные с Конвенцией Организации Объединенных Наций
о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ)**

Дело 1595: КМКПТ 1; 4; 6; 12; 64; 74; 79

Польша: Верховный суд

V CSK 528/14

Company T. (German seller) v. Company C. (Polish buyer)

25 июня 2015 года

Подлинный текст на польском языке

Резюме подготовили Малгоржата Любельская-Сазанова и национальный корреспондент Мацей Захариясевич

В июне 2008 года стороны заключили договор купли-продажи компрессорной камеры. Стороны договорились об оплате товара в рассрочку: первоначальный взнос требовалось внести в течение 7 дней с момента заключения договора, второй – непосредственно перед поставкой, а оставшуюся часть заплатить в четыре приема в течение следующих четырех лет (взносы полагалось вносить ежегодно). Истец заказал камеру у производителя.

Ответчик заплатил первоначальный и второй взносы согласно условиям договора, после чего производитель осуществил поставку и установку камеры и начал ее обслуживание. Через несколько месяцев ответчик попросил производителя снизить стоимость обслуживания камеры, пригрозив расторгнуть договор и вернуть камеру обратно. Ответчик также неоднократно обращался к истцу с просьбой изменить условия оплаты, предусмотренные первоначальным договором, аргументируя свою просьбу изменением в финансировании, получаемом от Государственного управления здравоохранения Польши. В июне 2010 года истец потребовал незамедлительно заплатить очередной взнос с процентами за просрочку, заявив, что в противном случае он расторгнет договор. В конце концов истец расторг договор, направив соответствующее письмо ответчику. В ответном письме ответчик выразил согласие с решением истца расторгнуть договор и попросил вернуть ранее уплаченные суммы. Стороны вступили в продолжительную переписку относительно условий расторжения договора, возвращения платежа и возврата камеры. В конечном итоге истец обратился в суд с требованием к ответчику о возмещении убытков за нарушение договора (включая упущенную выгоду).

Суд первой инстанции признал требования истца обоснованными, поскольку расторжение договора истцом стало результатом неисполнения обязательств ответчиком. Суд обосновал свое решение положениями Гражданского кодекса Польши и приказал ответчику возместить истцу упущенную выгоду.

Апелляционный суд оставил жалобу ответчика без удовлетворения. Однако в своем решении он принял во внимание международный характер договора, который не был учтен нижестоящим судом. Апелляционный суд отметил, что оба государства, в которых находятся предприятия сторон, подписали КМКПТ и поэтому эту конвенцию необходимо принимать во внимание. Суд также отметил, что, согласно статье 6 КМКПТ, стороны могут

исключить применение Конвенции или отступить от любого из ее положений, причем выбор права, применимого к договору, еще не означает исключения применения КМКПТ, если только стороны не выбрали право страны, не подписавшей Конвенцию. Таким образом, Конвенция была применима к делу независимо от того, какое право – польское или немецкое – было выбрано сторонами. Суд далее пояснил, что Конвенция регулирует только заключение договора купли-продажи и те права и обязательства продавца и покупателя, которые возникают из такого договора (статья 4 КМКПТ), тогда как все остальные вопросы должны регулироваться правом, применимым в соответствии с коллизионными нормами.

Суд констатировал, что ответчик не исполнил своих обязательств и что истец был вправе заявить о расторжении договора (в этой связи суд сослался на статью 64 КМКПТ, которая, по его мнению, аналогична статье 494 Гражданского кодекса Польши). Суд далее отметил, что в соответствии со статьей 79 КМКПТ (которую суд счел аналогичной статье 471 Гражданского кодекса Польши) ответчик обязан представить доказательства того, что нарушение договора было вызвано обстоятельствами вне его контроля. Согласно статье 74 КМКПТ, истец имеет право на возмещение убытков, понесенных в результате нарушения договора. Поскольку ответчик вернул компрессорную камеру, размер убытков был равен размеру упущенной выгоды, т.е. выгоды, которую истец мог получить от продажи камеры ответчику. Убытки подлежали возмещению независимо от того, имелась ли у истца возможность продать камеру другому клиенту.

Верховный суд определил, что апелляционный суд допустил ошибку, не уведомив стороны о применимости КМКПТ к рассматриваемому делу. Суд счел, что стороны не могли предполагать, что апелляционный суд будет применять эту Конвенцию, и расценил это как процессуальное нарушение. По этой причине решение апелляционного суда было отменено, а дело возвращено на пересмотр.

Дело 1596: КМКПТ 1

Польша: Апелляционный суд г. Варшавы

VI ACa 1937/13

Company Radio X Sp. z o.o. (Polish buyer) v. Company Y (German seller)

15 мая 2015 года

Подлинный текст на польском языке

Резюме подготовили Малгоржата Любельская-Сазанова и национальный корреспондент Мацей Захарияевич

В мае 2005 года стороны заключили дистрибьюторский договор, предусматривавший реализацию детского питания и другой диетической продукции определенной марки на рынке нелекарственных товаров Польши. Договор содержал условие об эксклюзивности, которое касалось только видов продукции, перечисленных в приложении, и требовало от истца закупать такую продукцию исключительно у ответчика в течение срока действия договора. Договор был заключен на неопределенный срок с условием уведомления о расторжении договора за 12 месяцев. Согласно условиям договора, стороны были вправе незамедлительно расторгнуть договор, если

одна из них нарушит договорные обязательства и не отреагирует на уведомление, полученное от другой стороны. Нарушение условия об эксклюзивности влекло за собой незамедлительное расторжение договора. Договором была также предусмотрена договорная неустойка в размере 100 000 евро на случай, если одна из сторон заявит о незамедлительном расторжении договора без достаточных оснований. Стороны приложили к договору ранее заключенное соглашение от июля 2002 года. С самого начала коммерческих отношений в 2001 году немецкий продавец (ответчик) настаивал на том, чтобы отношения сторон основывались на условиях эксклюзивности (т.е. чтобы польский истец закупал диетическую продукцию исключительно у него). Покупатель же всегда отвечал, что эксклюзивные договорные отношения с продавцом невозможны, поскольку не позволяют обеспечить достаточный доход в долгосрочной перспективе. Таким образом, в момент заключения договора ответчику было известно о том, что истец закупает некоторые виды диетической продукции у других продавцов.

В июле 2009 года ответчик направил истцу уведомление, в котором он обвинял его в нарушении условия об эксклюзивности и угрожал расторгнуть договор, если истец не вернется к соблюдению этого условия в течение 10 дней. В августе 2009 года ответчик заявил о незамедлительном расторжении договора в связи с продолжающимся нарушением условия об эксклюзивности истцом. Истец заявил, что расторжение договора не обосновано, и потребовал от ответчика уплаты договорной неустойки.

Суд первой инстанции постановил, что ответчик должен заплатить договорную неустойку, поскольку договор был расторгнут безосновательно. Суд счел, что предусмотренное договором условие об эксклюзивности нарушено не было, поскольку ответчику было прекрасно известно о характере деятельности истца, а условие об эксклюзивности распространялось только на продукцию, перечисленную в приложении. Ответчик подал апелляцию, в которой он, в частности, жаловался на то, что суд вынес решение исключительно на основании польского права и не уменьшил размера присужденной истцу неустойки, которая являлась завышенной.

Апелляционный суд согласился с выводами суда первой инстанции. В дополнение к этому в своем решении он принял во внимание международный характер договора, который не был учтен нижестоящим судом. Суд отметил, что поскольку оба государства, в которых находятся предприятия сторон, подписали КМКПТ, то необходимо рассмотреть вопрос о применимости этой Конвенции к делу. Тем не менее, сославшись на польскую правовую доктрину, суд определил, что КМКПТ не применима к дистрибьюторским договорам, если только стороны прямо не предусмотрели ее применение к своему договору. По мнению суда, заключенный сторонами договор представлял собой рамочное соглашение, сочетавшее элементы договора купли-продажи и дистрибьютерского договора, а условие об эксклюзивности являлось одним из элементов, характерных для дистрибьютерских договоров. Для определения права, применимого к дистрибьюторским договорам, суд обратился к соответствующим коллизионным нормам. Изучив нормы международного частного права, действовавшие в Польше и Германии на момент заключения договора, суд

определил, что договор имеет более тесную связь с Польшей и поэтому применению подлежит польское право.

Суд также определил, что в соответствии с принципом свободы договора стороны вправе включать условие об эксклюзивности в той форме, в какой оно было сформулировано в дистрибьюторском договоре. Суд счел, что стороны осознавали величину договорной неустойки и включили ее в договор намеренно, чтобы не допустить необоснованного расторжения договора. Таким образом, оснований для уменьшения размера неустойки не было. Апелляционный суд оставил решение суда первой инстанции без изменения, определил, что расторжение договора было необоснованным, и подтвердил, что ответчик должен заплатить неустойку в полном размере.

Дело 1597: КМКПТ 31; 67

Польша: Верховный суд

II СК 114/04

Company K. v. Insurance Company E.

22 октября 2014 года

Подлинный текст на польском языке

Резюме подготовили Малгоржата Любельская-Сазанова и национальный корреспондент Мацей Захариясевич

Продавец из Польши и покупатель с Украины заключили договора купли-продажи одежды. Доставка товара была поручена сторонней компании. В пунктах отправки и назначения товара предполагалось проведение таможенного осмотра. В договоре были оговорены условия выгрузки товара в пункте назначения (после предъявления грузополучателем подтверждения банковского перевода в размере 80 процентов от стоимости товара, указанного в накладной). Польский продавец (истец) также заключил договор страхования ответственности перевозчика при международных перевозках со страховой компанией (ответчик). После прохождения таможенного контроля в пункте отгрузки в Польше товар был отправлен в пункт назначения на Украине. После пересечения польско-украинской границы машина с товаром была взята под конвой лицами, представившимися представителями покупателя, которые сопровождали ее до города назначения. Как только машина доехала до города, представители покупателя потребовали от водителя выйти из машины и взяли товар под свой контроль. Таким образом, товар не был доставлен по адресу. Проинформировав продавца о том, что товар доехал до города, покупатель больше не выходил с ним на связь и не произвел оплаты. Спустя несколько дней водитель грузовика заявил о краже грузовика и товара в консульство Польши на Украине.

Спор возник по вопросу о том, несет ли страховая компания ответственность за возмещение стоимости товара. Согласно условиям договора страхования, ответчик нес ответственность за груз на пути его следования из пункта отправления в пункт назначения. Вопрос заключался в том, был ли груз фактически доставлен покупателю и когда именно прекратилось действие страхового покрытия.

Суд первой инстанции счел, что товар так и не достиг пункта назначения. Перевозчик не доставил товар по адресу, указанному в договоре, и не получил

подтверждения доставки груза в виде отметки в товарно-транспортной накладной. Исходя из этого, суд пришел к заключению, что кража груза произошла в тот момент, пока он еще был застрахован, и, поскольку ответчик не представил доказательств наличия оснований для своего освобождения от ответственности, он несет ответственность за возмещение стоимости товара.

Апелляционный суд, дополнительно изучив имевшиеся в деле доказательства и новые факты, не согласился с мнением нижестоящего суда и отменил его решение. При этом он отметил, что в договоре страхования говорится об обязанности доставить груз в город назначения, а он туда был доставлен, и этого было вполне достаточно для выполнения требований статей 31 и 67 КМКПТ. Поскольку истец не смог доказать, что груз был принят не настоящим покупателем, нужно исходить из того, груз был доставлен по назначению и передан реальному покупателю. Договор перевозки был выполнен, а следовательно, страховое покрытие перестало действовать.

Истец подал апелляцию в Верховный суд, который установил, что груз хотя и был доставлен в город назначения, однако не по тому адресу, который был указан в договоре перевозки. Договор страхования нельзя рассматривать отдельно от договора перевозки, поскольку он заключается ровно на тот же срок, который указан в таком договоре. Суд пояснил, что под "определенным местом" в статьях 31 и 67 КМКПТ подразумевается четко указанный адрес, а не просто какой-то район города. Вместе с тем суд отметил, что статьи 31 и 67 КМКПТ неприменимы к данному делу, поскольку договором перевозки на условиях DDU (Поставка без оплаты пошлины) [Инкотермс 1990] четко предусмотрено, что местом назначения и разгрузки товара является предприятие покупателя. Таким образом, страховая компания при страховании груза знала или должна была знать о содержании договора перевозки.

По мнению Верховного суда, апелляционный суд ошибочно заключил, что договор страхования перестал действовать в момент доставки груза в город назначения, независимо от того, заканчивается ли на этом действие договора перевозки или нет. Условия же страхового договора предусматривали, что действие страхования прекращается одновременно с прекращением действия договора перевозки, поскольку именно в этом состоит экономический смысл договора страхования при международной перевозке грузов. Таким образом, решающее значение имеет не то, доехал ли груз до города назначения, а то, доставлен ли он по конкретному адресу, указанному в договорах перевозки и купли-продажи (т.е. по месту нахождения предприятия покупателя).

По этим соображениям Верховный суд отменил решение апелляционного суда и вернул дело на пересмотр.

Дело 1598: КМКПТ 8; 11; 25; 64(1)(а); 65

Польша: Верховный суд

IV CSK 215/13

S (UK buyer) v. T (Polish seller)

28 ноября 2013 года

Подлинный текст на польском языке

Резюме подготовил национальный корреспондент Мацей Захариясевич

Стороны вступили в переговоры о заключении двух договоров купли-продажи трески (договоры № 505 и 506). В ходе переговоров продавец из Польши потребовал, чтобы до того, как будет произведена поставка рыбы согласно новым договорам, покупатель из Соединенного Королевства погасил задолженность в размере 8 842,35 евро, числившуюся за его немецкой дочерней компанией. Однако стало ли это требование договорным обязательством, так и осталось неясно. Покупатель из Соединенного Королевства отправил продавцу банковский перевод на сумму 8 842,35 евро, прямо оговорив, что этот перевод является предоплатой по договорам № 505 и 506. Покупатель также направил продавцу документ, в котором предусматривалось, что 50 процентов цены товара подлежит оплате авансом, а остальная половина – через 15 дней после поставки. Продавец подписал договоры № 505 и 506 и вернул их покупателю с одним изменением, требовавшим предоставления товарной спецификации на следующий же день. Покупатель на это изменение не отреагировал, однако стороны продолжили обмениваться сообщениями относительно упаковки и маркировки товара. Тем не менее через несколько дней продавец сообщил о том, что не будет выполнять договоры, поскольку предоплата не была внесена, а товарная спецификация не предоставлена. Покупатель предъявил иск о возмещении убытков, понесенных в результате срыва поставки продавцом.

Районный суд в иске отказал, придя к выводу, что договоры не были заключены. Апелляционный суд с этим выводом не согласился, сочтя, что в соответствии с принципом свободы формы договора (статья 11 КМКПТ) нет никаких оснований считать, что договоров заключено не было. Вместе с тем суд счел, что покупатель имел право расторгнуть договоры, и отказал истцу в удовлетворении требований.

Покупатель подал апелляцию в Верховный суд, который рассмотрел два вопроса: срок внесения предоплаты в размере 50 процентов цены согласно критериям толкования, предусмотренным статьей 8 КМКПТ, и наличие у покупателя права на расторжение договора в соответствии со статьей 25 и подпунктом (а) пункта 1 статьи 64 КМКПТ.

Относительно первого вопроса Верховный суд отметил, что статьей 8 КМКПТ предусмотрено два критерия толкования и что приоритетным является субъективный критерий, согласно которому заявления стороны следует толковать в соответствии с тем намерением, с каким эти заявления были сделаны, если другая сторона знала или не могла не знать, каково было это намерение. И лишь в том случае, если установить смысл заявления не удастся, можно применить объективный критерий, согласно которому заявления следует толковать в соответствии с тем пониманием, которое имело бы разумное лицо, действующее в том же качестве, что и другая сторона при аналогичных обстоятельствах.

В данном случае стороны не оговорили конкретный срок внесения предоплаты в размере 50 процентов цены. Поэтому можно было спорить о том, требовалось ли внести предоплату в тот момент, когда товар был готов к отправке, либо же до этого момента. Изучив корреспонденцию, которой обменялись стороны, суд не нашел в ней никакого подтверждения того, что стороны намеревались установить в качестве срока внесения платежа момент готовности товара к отправке. Из переписки скорее следовало, что предоплату

требовалось внести заранее, т.е. до того, как товар будет готов к отправке. Суд также отметил, что в коммерческой практике под предоплатой, как правило, понимается уплата части цены до отправки товара покупателю. Однако, несмотря на это последнее обстоятельство, суд определил, что в данном случае преимущество имеет субъективный критерий толкования, поскольку продавец явно имел в виду, что половина цены подлежала уплате до того, как товар будет готов к отправке (и покупателю было об этом известно).

Второй вопрос касался того, имело ли место существенное нарушение договора, являющееся необходимым условием его расторжения. Верховный суд подробно рассмотрел вопрос о том, в чем состоит существенное нарушение договора согласно статье 25 КМКПТ, отметив, что нарушение может служить основанием для расторжения договора, только если оно касается договорного обязательства. Таким образом, поскольку нижестоящими судами не было установлено, являлось ли требование об уплате 8 842,35 евро в счет погашения задолженности третьей стороны договорным обязательством покупателя, было нельзя проверить, можно ли квалифицировать неуплату этой суммы как существенное нарушение договора.

Суд далее отметил, что понятие существенного нарушения следует толковать ограничительно в интересах сохранения договора в силе. Стороны обязаны действовать добросовестно и не должны пользоваться неисполнением обязательства другой стороной как поводом для расторжения договора, если только в результате такого неисполнения сторона, не нарушившая обязательств, не лишилась возможности достичь экономической цели договора. Таким образом, если нарушение обязательства может быть исправлено пострадавшей стороной, его нельзя считать существенным. В данном случае непредоставление покупателем товарной спецификации было нельзя считать существенным нарушением договора, поскольку продавец мог составить такую спецификацию самостоятельно в соответствии с положениями статьи 65 КМКПТ. И только если бы это было невозможно, продавец мог бы расторгнуть договор, сославшись на статью 25 и подпункт (а) пункта 1 статьи 64 КМКПТ.

Верховный суд также отметил, что нарушение обязательства по оплате товара обычно не считается существенным нарушением договора. Оно может считаться таковым лишь в случае, если оно носит неустранимый характер. Таким образом, если покупатель категорически не отказался внести предоплату, ее невнесение нельзя рассматривать как существенное нарушение договора.

По этим основаниям решение апелляционного суда было отменено, а дело возвращено на пересмотр.

Дело 1599: КМКПТ 8; 14; 18; 25; 29(2); 64(1)

Польша: Апелляционный суд г. Катовице

I ACa 410/12

X (German buyer) v. Y (Polish seller) and A. W.

5 сентября 2012 года

Подлинный текст на польском языке

Резюме подготовили Наталья Отлингер и национальный корреспондент Мацей Захариясевич

Покупатель из Германии и продавец из Польши состояли в многолетних деловых отношениях, связанных с торговлей маковым семенем. Начиная с 2004 года польская компания закупала маковое семя у поставщика в Чехии и продавало его немецкому покупателю, специализировавшемуся на торговле фруктами, орехами и семенами. Количество, цена и сроки поставки товара согласовывались сторонами по телефону, а заказы подтверждались письменными договорами, которые покупатель отправлял продавцу по факту, а тот возвращал покупателю со своей подписью. Договоры содержали ссылку на Общие коммерческие условия Товарной ассоциации Гамбургской биржи, которые обычно размещались на обратной стороне договора (хотя из решения неясно, были ли эти условия действительно напечатаны на обратной стороне спорных договоров).

В период с июля по август 2006 года стороны заключили несколько договоров купли-продажи макового семени. Товар был поставлен непосредственно клиентам покупателя в Германии. Однако через некоторое время после заключения договоров цены на маковое семя на чешском рынке заметно выросли, что затруднило продавцу выполнение обязательств. В октябре 2006 года стороны встретились, чтобы переобсудить условия продажи. Вопрос о том, были ли внесены в договоры реальные изменения, впоследствии вызвал споры в суде.

После того как покупатель не заплатил за товар, который был поставлен в ноябре 2006 года, продавец приостановил дальнейшие поставки. Со временем отношения между сторонами расстроились, и покупатель предъявил продавцу иск о возмещении убытков, понесенных в результате якобы имевшего место нарушения договора. Суд первой инстанции в иске отказал, а апелляционный суд оставил это решение без изменения.

Оба суда рассмотрели вопрос о том, были ли внесены сторонами изменения в договоры на встрече, состоявшейся в октябре 2006 года. Оба суда, сославшись на пункт 2 статьи 29 КМКПТ, отметили, что, согласно этой Конвенции, договор может быть изменен путем простого соглашения сторон. Суды пришли к выводу, что на октябрьском совещании стороны внесли изменения в договор в устной форме, что было впоследствии подтверждено по электронной почте. Они, в частности, договорились, что в течение некоторого времени поставки мака будут осуществляться не два, а один раз в неделю и что цена каждой партии должна быть уплачена после поставки.

Оба суда пришли к выводу, что поскольку покупатель не оплатил товар, поставленный в первую неделю ноября, то продавец имел право прекратить поставки. В этой связи апелляционный суд высказал мнение, что неисполнение обязательств покупателем является существенным нарушением договора согласно статье 25 КМКПТ. Следовательно, продавец был вправе расторгнуть договор в соответствии с пунктом 1 статьи 64 КМКПТ. Вместе с тем апелляционный суд не стал углубляться в вопрос о том, почему неоплата товара является существенным нарушением договора, и не пояснил, каким образом продавец заявил о расторжении договора в соответствии с пунктом 1 статьи 64 КМКПТ. Поскольку нарушение, из-за которого был расторгнут

договор, было допущено покупателем, его требование о возмещении убытков было отклонено.

[Ссылки покупателя на Общие коммерческие условия Товарной ассоциации Гамбургской биржи, которые, по его словам, являлись частью договоров, были рассмотрены судом первой инстанции (апелляционный суд не стал рассматривать выводы нижестоящего суда по данному вопросу, считая, что он не влияет на исход дела). Суд первой инстанции, обратившись к немецкой доктрине и судебной практике, отметил, что включение в договор типовых условий регулируется статьями 14 и 18 КМКПТ. Он также отметил, что в соответствии со статьей 8 КМКПТ необходимо решить вопрос о том, являются ли типовые условия частью оферты. При этом он подчеркнул, что при толковании оферты и решении вопроса о том, включает ли она типовые условия, нужно учитывать содержание переговоров, предшествовавших заключению договора, установившуюся между сторонами практику и применимые международные обычаи. Суд отметил, что для того, чтобы типовые условия имели обязательную силу для адресата оферты, необходимо, чтобы у него была возможность с ними ознакомиться. Таким образом, решающее значение имеет то, было ли адресату оферты реально известно о намерении оферента включить типовые условия в договор. Возложение на адресата оферты обязанности самостоятельно искать типовые условия, которые не были отправлены или иным образом предоставлены ему оферентом, противоречило бы принципу добросовестности в международной торговле.]

Дело 1600: КМКПТ 1; 3; 3(1); 6; 12

Польша: Апелляционный суд г. Катовице

V ACa 551/08

F.S.A. (Polish seller) v. A. GmbH (Austrian buyer)

22 января 2009 года

Подлинный текст на польском языке

Опубликовано на польском языке: *LEX Nb 523885, Orzecznictwo Sądów*

Apelacyjnych, 2010/9/9-24

Резюме подготовили Каролина Шеллер и национальный корреспондент Мацей Захариясевич

Продавец из Польши и покупатель из Австрии заключили договор купли-продажи алюминиевых профилей. Продавец поставил товар покупателю, который принял поставку, заявив претензию, что товар поставлен в неполном объеме. Чтобы выполнить обязательства перед собственными клиентами, покупателю пришлось договариваться о закупке алюминиевых профилей у других поставщиков. В результате покупатель понес убытки из-за более высокой цены товара. Покупатель также понес другие расходы (в частности, на размещение и перевозку). Чтобы компенсировать убытки, понесенные в результате неисполнения обязательств продавцом, покупатель отказался оплатить поставленную партию профилей.

Продавец предъявил покупателю иск в польский суд с требованием заплатить за товар и выплатить проценты с просроченной суммы.

Суд первой инстанции определил, что в соответствии с действовавшим на тот момент законом Польши о международном частном праве 1965 года к делу было применимо польское право. Суд счел, что покупатель неправильно произвел зачет убытков (так как однозначно не выразил намерения произвести зачет), и поэтому обязательство по оплате оставленных алюминиевых профилей погашено не было.

Покупатель подал апелляцию, в которой указывалось на различные нарушения материального и процессуального права. Апелляционный суд определил, что суд первой инстанции ошибочно оставил без внимания положения КМКПТ. Он отметил, что и Польша, и Австрия являются участниками КМКПТ и что в соответствии с пунктом 1 статьи 1 этой Конвенции она применяется к договору. Апелляционный суд также подчеркнул, что договоры международной купли-продажи входят в сферу применения КМКПТ и что эта Конвенция является составной частью внутреннего права договаривающихся государств и имеет преимущественную силу перед другими положениями внутреннего права. Суд также отметил, что в соответствии со статьей 6 КМКПТ стороны могут исключить применение Конвенции либо, при условии соблюдения статьи 12, отступить от любого из ее положений или изменить его действие. Апелляционный суд далее отметил важность статьи 3 КМКПТ и ее значение для определения применимости Конвенции. В этой связи суд отметил, что перевод пункта 1 статьи 3 КМКПТ на польский язык является неверным. В польском переводе Конвенции, опубликованном в Официальном вестнике, содержится лишнее отрицание, которого нет в оригинале, в результате чего соответствующее положение гласит, что "договоры на поставку товаров... считаются договорами купли-продажи, если только сторона, заказывающая товары, *не берет* на себя обязательство поставить значительную часть материалов...". Суд пояснил, что в пункте 1 статьи 3 Конвенции на официальных языках говорится о том, что "договоры на поставку товаров... считаются договорами купли-продажи, только если сторона, заказывающая товары, *берет* на себя обязательство поставить значительную часть материалов...". В соответствии с этим апелляционный суд заключил, что, поскольку стороны не выбрали применимое право, его должен был определить суд первой инстанции, которому следовало также решить вопрос о применимости КМКПТ к рассматриваемому делу. И только если откажется, что дело не входит в сферу применения КМКПТ, для определения применимого права можно использовать закон Польши о международном частном праве 1965 года.

Апелляционный суд далее определил, что произведенный покупателем зачет не подпадает под сферу применения КМКПТ. Таким образом, применимые положения следовало определять в соответствии с коллизионными нормами Польши. Согласно этим нормам, в данном случае были применимы положения Гражданского кодекса Польши (как право страны продавца). В конечном итоге апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции по процессуальным основаниям. Дело было возвращено в суд первой инстанции для дальнейшего рассмотрения и изучения доказательств, представленных продавцом.

Дело 1601: КМКПТ 25; 29; 35; [45; 46; 47; 48]; 49; 81

Польша: Апелляционный суд г. Познань

I ACa 990/05

Błażej B. v. Bank S.A.

1 марта 2006 года

Подлинный текст на польском языке

Опубликовано на польском языке: LEX, Nb 186557, *Orzecznictwo Sądów*

Apelacyjnych, 2007/7/21

Резюме подготовила Каролина Шеллер

Истец и банк (ответчик) заключили договор оперативного лизинга, который должен был вступить в силу при условии заключения сторонами договора (далее – "трехсторонний договор") на покупку стегальной машины для лоскутных работ у продавца из Великобритании. По условиям трехстороннего договора ответчик должен был приобрести стегальную машину у продавца, поставить ее истцу и произвести ее установку в его помещениях. Ответчик передал истцу все свои права и обязательства по трехстороннему договору, за исключением права на расторжение договора.

Стегальная машина была доставлена истцу, однако тот заявил о ее несоответствии условиям трехстороннего договора и отказался выполнить свои обязательства по договору оперативного лизинга, а вместо этого потребовал от ответчика возместить ему все расходы, понесенные согласно договору лизинга. Впоследствии ответчик расторг договор оперативного лизинга и отказался возмещать истцу понесенные расходы.

Истец предъявил ответчику иск в польский суд, требуя возмещения расходов, понесенных в связи с договором оперативного лизинга. При этом он заявил, что договор оперативного лизинга так и не вступил в силу, поскольку продавец поставил вместо машины для лоскутных работ машину для стежки матрасов и поэтому считать трехсторонний договор заключенным нельзя. Суд первой инстанции отметил, что право заявить о расторжении договора закреплено КМКПТ и что в случае расторжения договора считается, что он юридически не был заключен. Суд далее отметил, что ответчик косвенным образом расторг трехсторонний договор и поэтому договор оперативного лизинга так и не вступил в силу, поскольку условие заключения трехстороннего договора выполнено не было. Таким образом, ответчик должен был возместить истцу все понесенные им расходы.

Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, определив, что тот неверно истолковал положения статей 25, 35, 49 и 81 КМКПТ. Апелляционный суд не согласился с доводами истца и посчитал, что ответчик не расторг трехсторонний договор. Суд подчеркнул, что трехсторонний договор не предусматривал обязательства поставить машину "для лоскутных работ" и что поставленная машина соответствовала описанию, содержащемуся в договоре (что подтверждалось таможенными документами). Суд счел, что покупатель (в данном случае – ответчик) может заявить о расторжении договора лишь в случае выполнения условий статьи 49 в совокупности с положениями статьи 25 КМКПТ. Покупатель вправе расторгнуть договор, если продавец нарушит статью 35 КМКПТ в результате поставки несоответствующего товара.

Апелляционный суд также определил, что суд первой инстанции неверно истолковал статью 81 КМКПТ, сочтя, что расторжение договора влияет на положение сторон до момента расторжения договора (т.е. имеет обратную силу). Апелляционный суд отметил, что, согласно статье 81 КМКПТ, расторжение договора влияет лишь на положение сторон в будущем (т.е. имеет прямую силу). Таким образом, даже если ответчик расторг трехсторонний договор, считать, что договор вовсе не был заключен, нельзя. Следовательно, договор оперативного лизинга вступил в силу согласно предусмотренным им условиям (подчинявшим его вступление в силу заключению трехстороннего договора).

Суд также отметил, что в соответствии с договором оперативного лизинга осуществлять права покупателя согласно статьям 45-48 КМКПТ мог исключительно истец и что стороны не прекратили действие трехстороннего договора согласно статье 29 КМКПТ. По этим основаниям Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции и отказал истцу в удовлетворении иска.

Дела, связанные с Типовым законом ЮНСИТРАЛ об электронной торговле (ТЗЭТ)

Дело 1602: ТЗЭТ 6(1); 7(1)

Южно-Африканская Республика: Верховный апелляционный суд

[2014] ZASCA 178; 2015 (2) SA 118 (SCA), 725/13

Spring Forest Trading v. Wilberry

21 ноября 2014 года

Подлинный текст на английском языке

Доступно по адресу www.saflii.org

Дело касалось действительности соглашения о расторжении договора, которое было заключено путем обмена электронными сообщениями, с учетом наличия в договоре положения о недопустимости внесения устных изменений, которое требовало, чтобы расторжение договора оформлялось в письменной форме и закреплялось подписями сторон.

В рамках данного дела рассматривалась апелляция на решение Высокого суда провинции Квазулу-Натал, вынесенного в г. Дурбан судьей Мадондо, удовлетворившим ходатайство о принятии обеспечительных мер на время рассмотрения спора, возникшего из нескольких договоров аренды оборудования, на основании которых апеллянт эксплуатировал и сдавал в аренду принадлежавшее ответчику портативное оборудование для мойки автомобилей. Договоры содержали положение о недопустимости внесения устных изменений, согласно которому изменение или отмену действия договоров требовалось оформлять в письменной форме и закреплять подписями сторон.

В связи с неисполнением апеллянтом своих обязательств стороны по электронной почте договорились о расторжении договора после погашения задолженности по арендной плате. Выплатив задолженность, апеллянт заключил договор с другой компанией, в помещениях которой он до этого работал. Ссылаясь на то, что договоры не были должным образом расторгнуты,

ответчик добился принятия обеспечительных мер для защиты своих имущественных прав в оборудовании на время рассмотрения иска о нарушении арендных договоров.

Высокий суд счел, что электронная переписка подтверждает лишь факт проведения сторонами предварительных переговоров, но не свидетельствует об их намерении расторгнуть договоры. Суд также счел, что расторжение договоров, на которое ссылался апеллант, противоречит положению о недопустимости устных изменений и, следовательно, не имеет силы.

Верховный суд заметил, что электронные письма, определяемые как "сообщения данных, используемые или предназначенные для использования в качестве почтовых отправок при обмене сообщениями между отправителем и адресатом в электронной форме", регулируются Законом ЮАР "Об электронных сообщениях и сделках" (Закон № 25 2002 года).

Верховный суд прежде всего рассмотрел вопрос о том, была ли достигнута договоренность о расторжении арендного договора. Суд установил, что из электронной переписки ясно и однозначно следует, что после того, как апеллант погасит задолженность по арендной плате и вернет оборудование ответчику, он может свободно выйти из договора и не несет никаких дальнейших юридических обязательств.

Затем Верховный суд перешел к вопросу о том, отвечает ли отмена договора по электронной почте требованиям о письменной форме и наличии подписей, предусмотренным условием о недопустимости устных изменений. Учитывая, что основной целью Закона является "создание условий и содействие использованию электронных сообщений и сделок в общественных интересах", Верховный суд счел, что "если положениями законодательства или сторонами сделки установлено требование о письменной форме договора и наличии подписей", то такое требование "обычно считается выполненным при заключении электронных сделок". По мнению Верховного суда, электронное письмо как сообщение данных удовлетворяет требованию о письменной форме договора, предусмотренному статьей 12 Закона (вводит в действие пункт 1 статьи 6 ТЗЭТ).

Ответчик возразил, что в электронных письмах отсутствовала усиленная электронная подпись, предусмотренная пунктом 1 статьи 13, и поэтому требование о наличии подписи выполнено не было. Изучая это возражение, Верховный суд рассмотрел вопрос о том, можно ли считать проставленные в конце писем наименования сторон подписями по смыслу пунктов 1 и 3 статьи 13 Закона. В Законе проводится различие между случаями, когда требование о наличии подписи установлено законодательством и когда его установили сами стороны. В пункте 1 статьи 13 предусмотрено, что "если требование о наличии подписи лица установлено законодательством без уточнения вида подписи, то это требование считается выполненным в отношении сообщения данных только при использовании усиленной электронной подписи". В пункте 3 статьи 13 (вводит в действие пункт 1 статьи 7 ТЗЭТ) предусмотрено, что "если требование об электронной подписи установлено сторонами электронной сделки и стороны не договорились о виде электронной подписи, который надлежит использовать, то это требование считается выполненным в отношении сообщения данных а) если использован

какой-либо способ для идентификации соответствующего лица и указания на то, что это лицо согласно с информацией, содержащейся в сообщении данных; b) если этот метод является настолько надежным, насколько это необходимо для цели, с которой сообщение данных было передано, с учетом всех обстоятельств, известных на момент использования данного метода".

Верховный суд определил, что, поскольку условие о недопустимости устных изменений было включено в договор по соглашению сторон, применению подлежит пункт 3 статьи 13. При этом Верховный суд отметил, что применение пункта 1 статьи 13 к частным соглашениям между сторонами лишило бы смысла пункт 3 той же статьи, в котором речь идет как раз о частных соглашениях. Верховный суд отметил, что стороны не указали, какой вид электронной подписи требуется использовать при оформлении отмены договора.

Верховный суд пояснил, что при сертификации средств и услуг аутентификации, к которым относятся и усиленные электронные подписи, применяются сложные и строгие критерии и что применение таких критериев к сторонам рассматриваемого дела негативно сказалось бы на их возможности совершать электронные сделки. Верховный суд подчеркнул, что при толковании Закона он обязан "признавать и учитывать возможность совершения электронных сделок и направления сообщений данных в электронной форме в соответствии с применимыми положениями законодательства и общего права".

В статье 1 Закона дано следующее определение электронной подписи: "данные, которые прикреплены к другим данным, включены в них или логически с ними связаны и которые призваны служить подписью составителя" (ср. пункт (а) статьи 2 Типового закона об электронных подписях). Верховный суд отметил, что данное определение предусматривает практический и неформалистский подход, которого обычно придерживаются суды в странах общего права. Верховный суд пришел к заключению, что наименования сторон, напечатанные в конце электронных сообщений, являются "данными", которые логически связаны с содержанием самих сообщений и, таким образом, отвечают определению электронной подписи и служат подтверждением информации, содержащейся в электронных сообщениях.

В завершение Верховный суд отклонил возражение ответчика о том, что при составлении электронных сообщений не было использовано надежного метода аутентификации, отметив, что аутентичность электронных сообщений, точность содержащейся в них информации и личность авторов сомнений не вызывают.